

Воспоминание о Кузнецком семинаре

Из трех дней семинара запомнился только один, когда обсуждалась рукопись поэта Самылова, студента-заочника литинститута, что не мешало ему, смилив гордыню, посещать нашу областную литстудию и даже выдвинуть рукопись на обсуждение.

Рукопись вызвала бурные споры. Часть семинаристов, а к ним примкнули и руководители семинара, стихи Самылова не приняли принципиально. И вовсе не потому, что они были плохи. Просто своей формой, со своей необычной лексикой и манерой подачи мысли как-то не вписывались в параметры общепринятой традиционной школы, которую исповедовали местные мэтры в числе которых и были руководители семинара. Привыкшие заглядывать мэтрам в рот и угадывать желания, семинаристы с дотошностью нотариусов скрупулезно выискивали в стихах Самылова шероховатости и неточности. Найденные погрешности преподносились как кощунство и надругательство над нравственностью и литературой. Правда, нашлись такие, которые стихи приняли и зауважали. Они рьяно кинулись защищать поэта Самылова, называя его ярким представителем авангардной поэзии. Находили в его строках массу достоинств и даже таких, о которых сам Самылов и не догадывался. В эти минуты он поднимал голову и с некоторым изумлением всматривался в выступающего.

Для меня стихи Самылова были любопытны, но не более. Необычность его стихов больше всего стремилась произвести впечатление, чем выразить то, что там присутствовало. Они всей структурой своей, фигурами речи и метафорами выдавали желание автора непременно понравиться апологетом модной литературной волны. Вот, мол, и я такой как вы. И я тоже умею так!..

Хотелось выступить в его поддержку, но не знал как аргументировать свою речь. С сидящим со мною поэтом Ржевским, мы сошлись во мнении: поэт Самылов во всех отношениях самодостаточен и в нашей поддержке вряд ли нуждается.

Остальные два дня были скучными, вялотекущими. Обсуждались рукописи поэтов, в общем-то, никаких, безликих. Единственным их достоинством было то, что они – хорошие люди. С той же дотошностью и скрупулезностью семинаристы отыскивали в их стихах отдельные строчки, в которых на их взгляд присутствует оригинальная мысль и свежесть образа. Хорошие люди сидели потупив очи и тщетно пытались скрывать самодовольство, когда их хвалили.

После семинара ехали поездом. Практически в одном вагоне. Поэт Самылов сидел один среди смиренных пассажиров, как бы пребывая в некоторой дремоте. Даже если бы я не знал Самылова и никогда его не видел, то я все равно бы узнал, что передо мной сидит Поэт Он резко отличался от других отрешенностью, манерой сидеть и с явным пренебрежением к своему внешнему виду. Он, похоже, тяжело переживал обсуждение, выглядел каким-то растерянным и растрепанным: с косо нахлобученной на голову шапкой, с выбившимся из под воротника концом шарфа, с бессильно свалившимися на нос очками. В эти минуты он своим видом напоминал собственную рукопись избитую и искромсанную злыми критиками и рецензентами. Мне стало жаль его. Я присел напротив и стал говорить сочувственные слова: мол, не стоит так переживать, поскольку они не дошли до понимания твоих стихов, и вообще, хороших поэтов всегда в начале побьют, а затем начинают превозносить...

Самылов согласно кивал головой и протяжно, жалобно вздыхал.

На этот семинар из Кольчугинска привезли писателя Макова. Его привели в номер гостиницы, где он первым делом разделся, оставшись в трико и майке, а затем крепко принял на грудь. Больше из номера он не выходил. Все три дня Маков пил, похмелялся и разговаривал о всякой всячине, в том числе и о литературе.

Наговорившись, он ложился спать на диванчик, по-детски подложив под голову ладонь. Проснувшись и обнаружив себя одного, Маков начинал томиться одиночеством. Он открывал дверь в коридор и пристально всматривался в проходящих постояльцев гостиницы, пытаясь увидеть знакомое лицо. Узрев таковое, Маков окликал его и слезно просил, что-нибудь принести, мол, душа горит и просит. Знакомое лицо, польщенное вниманием писателя Макова, спешило в буфет и возвращалось с бутылкой горячительного. Они мирно выпивали за столом, затем Маков снисходительно просил знакомое лицо что-нибудь прочесть. Знакомое лицо в растроганных чувствах читало Макову «что-нибудь», после чего Маков говорил одобрительные слова и обещал свое покровительство, так как в столичных журналах у него все схвачено.

-

Когда семинар закончился, писателя Макова одели и повезли на вокзал, а затем усадили в вагон поезда. В вагоне он первым делом разоблачился, оставшись в трико и майке, словно ему оставаться в обычном костюме означало лишь костюм одетый на непонятно кого, а не сам Маков. Освоившись, он громко стал рассказывать какой он известный писатель и что с ним знакомы все столичные знаменитости. Присмирившие пассажиры с любопытством смотрели на Макова, пытаясь в его внешности и одежде

обнаружить нечто, что напоминало бы о его принадлежности к кругу знаменитостей. Так наверно смотрели бы обыватели, увидев Елизавету Вторую в телогрейке и с авоськой в руках. Маков имел далеко не презентабельный вид, а скорее затрапезный. Однако ж это не смущало его и он стал рассказывать, как с Колей Рубцовым ходил после жуткого похмелья сдавать бутылки на Неглинку. Увидев среди пассажиров меня, Маков поинтересовался: кто я таков? Я назвал. «Да это ж известный поэт! – вскричал Маков, - Он уже четыре книги издал, из них две - в Москве!..»

В моем багаже имелось лишь несколько скромных публикаций в областных изданиях. Было одновременно и неловко, и приятно от этой беззастенчивой лжи. Я решительно не знал как вести себя, поскольку опровергать Макова было как-то неудобно. Пришлось придать своему лицу многозначительность и легкую надменность, после чего поднялся и вышел в соседнее купе. Там сел на свободное место у окна, продолжая по инерции олицетворять собой поэта с четырьмя книгами.

А Маков между тем стал рассказывать, что больше всего на свете любит жареную картошку: мол, жена, что живет в Мамаевке, жарит картошку на свином сале с луком; а жена, которая живет в Мохове, добавляет в жареный картофель пару яиц; а вот жена, что в Кольчугинске – бестолочь, хоть и образованная, и он сам ей жарит картошку с салом, луком и яйцами...

Ритмично стучали колеса вагона, за окном проносились зимние пространства наполненные сумерками, временами распарываемые резкими вспышками фонарей станций и полустанков. Я сидел и все думал о писателе Макове, пытаюсь понять: зачем эта святая непосредственность приезжала на семинар?..

-

На этом семинаре присутствовали два поэта из Щегловска Гумиров и Александров. Жили они в одном номере гостиницы вместе с писателем Иваньковым. Все три дня семинара провели активно: часто выступали, говорили по существу о творчестве обсуждаемого семинариста, чем снискали уважение у руководителей. В поезде они также ехали вместе, и в отличие от других, организовали небольшое застолье с возлиянием.

Они уже изрядно выпили, когда Гумиров стал читать свои новые стихи: о русских пространствах, березовых рощах и золотых куполах осиянных светом небесным. Александров почему-то обиделся:

- Мне непонятно: как ты, татарин, можешь писать о русском величии духа и белых березах? - грозно спросил он Гумирова, придав лицу злое выражение, - У тебя же ментальность кочевника и тебе более пристало писать о диких степях и лошадях!.. И чего вы татары да евреи норовите

писать то, чего вам не присуще?.. Да не постичь вам русскую душу и не трожьте эту тему!..

Последние слова Александров почти выкрикнул и при этом шарахнул кулаком по столику, отчего бутылка водки упала и часть горячительного вылилась на брюки Гумирова. У того заходили желваки на скулах, глаза сощурились и ядовитым голосом он произнес:

- Между прочим мой дед, Равиль Абдурахманович сорок лет отработал на шахте в Манеихе и сам я с рождения дышу русским воздухом!.. А говоришь ты так, потому что я, татарин по крови, пишу русские стихи лучше, чем ты, русская морда!..

Тут он привстал и коротким резким ударом въехал в скулу приподнимающегося с сиденья Александрова. Тот рухнул на место, после чего, забившись в угол, горестно воскликнул: «Эх, обокрали русский народ жида да татары! Даже кулаки у них русские и бьют похлеще нашего!..»

Утихомирил двух поэтов чуваш по крови, писатель Иваньков:

- Не в крови дело, братцы, а в духе. Дух он, други мои, определяет национальность!.. И у нас с вами русский дух и потому нам пристало писать русское, сокровенное...

Он взял упавшую на бок бутылку и разлил остатки в пластмассовые стаканчики поровну, на троих. Когда выпили, то поэты стали мириться и извиняться друг перед другом, после чего обнялись и троекратно расцеловались. Потом они запели песню о ямщике. Сначала в пол голоса, а затем громче и громче...

-

На песню, как на условный сигнал, стали сходиться участники семинара. В числе их подошел главный руководитель, поэт Валентин Васильевич Малахов с объемистым портфелем в руках. Он расстегнул объемистый портфель, вынул две бутылки белой и огромного копченого леща завернутого в газету «Вечерний Кузнецк». Назад в портфель сунул свою меховую шапку. Началось всеобщее воодушевление и ликование. Чаша с горячительным пошла по кругу. Не миновала чаша сия и меня.

- Вот мы немного потрепали рукопись Самылова и правильно сделали, - авторитетным тоном заговорил Малахов, которому на правах почетного гостя выделили соответствующее место на сиденье, - Он думает, коль студент литинститута, то мы провинциалы должны ему в рот заглядывать. Как бы не так!.. А вообще-то его полезно иногда ругать. Поэт он сильный, не в обиду сказано некоторым из вас, и сам поймет: авангард это одно, а русская

традиция - на порядок повыше... Вот пусть он попробует в пространстве русской классической формы сказать что-то свое, новое... А гордиться абстракции, туману напускать, тут большого ума не надо. Верно говорю, Саша, - обратился Малахов к Александрову.

- Воистину так, Валентин Васильевич! - с пафосом произнес Александров.

Кто-то вдруг из присутствующих предложил позвать Самылова.

- Кто знает: где он? – спросил Малахов, а затем, подражая есенинскому Хлопуше, продолжил:

- Приведите его сюда! Я хочу видеть этого человека!..

Привести Самылова выпало мне, так как я знал, в каком купе пребывает он.

Самылова я застал в той же позе отрешенности от мира сего. Он с изумлением выслушал меня.

- Что опять ругать будут?.

- На этот раз хвалить, - коротко ответил ему и он покорно последовал за мной.

- Поэт Самылов к вашим услугам. – сказал я присутствующим.

- Сережа, старичок, садись рядом, - великодушно предложил Малахов и бесцеремонно отодвинул могучим плечом сидевшего рядом с ним поэта Забокина влево. Сидящий с краю щупленький семинарист, специализирующийся на юморесках малой формы и на всякого рода экспромтах, по фамилии то ли Фурье, то ли Фарнье от толчка передавшегося через других свалился с сиденья на пол. Самылов втиснулся в освободившееся место, принял стаканчик наполненный до краев и со словами: «За вас, друзья!» выпил под всеобщее одобрение и ликование.

- Ты особо на меня да на ребят не обижайся, - добродушным голосом заговорил Малахов,- Мы ведь тебя, можно сказать, по гамбургерскому счету оценивали. Много тебе дано, но и многое спросится!.. – назидательно закончил свою речь Малахов, выпил стопку, а затем продолжил, - Вот обсуждался бы ты в Москве, то я да и все ребята за тебя горой встали бы... А коль решил, так сказать, родные пенаты удивить, то напрасно. Мы, старичок, не таких видывали...

- Да я, Валентин, вовсе и не обиделся, - слегка заплетающимся голосом начал оправдываться Самылов,- А в Москве, между прочим, многие считают, что будущее литературы за провинцией...

- Воистину так! - опять же с пафосом подал голос Александров. Он взял наполненный для писателя Иванькова стаканчик и махом опрокинул, после чего стал обглаживать хвост копченого леща. Иваньков укоризненно глянул на Александрова, затем медленно налил себе водки. Налил немного побольше, как бы в компенсацию за моральный ущерб.

Изъявил желание прочесть новый экспромт Фурье или Фарнье (точно не помню до сих пор – черт его подери!), на которого падение на пол произвело благотворное воздействие в виде проявления внезапного вдохновения:

- Экспромт можно? Только что сварганил: о полезности земного тяготения!..

- Валяй, Жора. Только с выражением читай, а не бубни, как дьяк на панихиде, - снисходительно разрешил Малахов. Вся присутствующая публика оборотилась и в строгом молчанье устремила взыскующие очи на Фурье.

Жора откашлялся в кулак, вынул мятый листочек из кармана и, расправив его, прочел:

- Я с плакатного рухнул сиденья

И пока я лежал на боку,

Осенило меня вдохновенье,

Что всемирный закон тяготенья

Сочинить помогает строку!..

- Ну как? – с наивной надеждой спросил Жора.

- Не слабо, Жорик, не слабо для экспромта, - снисходительно отозвался Малахов.

- Во, Жора! А ежели тебя уронить со второй полки?.. Мож, ты на поэму сподобишься, а? - захохотал Леша Вельмисов, поэт из Кольчугинска,- А что, мужики? Давайте попробуем! Лезь, Жора, на полку, счас проверим!..

Вельмисов в шутку начал подталкивать Фурье к полке, тот смущенно упирался. Присутствующие дружно засмеялись и кто-то начал рассказывать, как он свалился однажды пьяным с дивана и под диваном обнаружил червонец. Кто-то еще что-то вспомнил, а затем пошли разговоры обо всем. Их было несколько: они одновременно пересекаясь то под прямым углом, то по диагонали, шли от собеседника к собеседнику; беседы велись на повышенных тонах, и, как не странно, все понимали друг друга, а главное -

не мешали другим. Так Иваньков, жестикулируя зажатым в руке стаканчиком (пустым), доказывал поэту Забокину, заядлому рыболову по совместительству, что щуку надобно брать на жерлицу, а не на живца; Малахов, приобняв за плечи Самылова, втолковывал тому, что самобытность и судьба – высшее проявления таланта; Вельмисов доказывал Фурье, что надо учиться миниатюрам у Матюхина, сидящий где-то в середине лавки Матюхин участвующий в их разговоре, через головы присутствующих кричал: «Верно, Леша, пусть салага учится у меня!..»; Гумиров восторженным тоном объяснял сидящему наискосок поэту Донову ключевой алгоритм рубай Омара Хайяма; лежащий на второй полке, но не принимавший участия в застолье, писатель Лукоморов рассказывал сидящему под ним на лавке поэту Лапшову, как он нынешней осенью настриг два ведра подтопольников около лодочной станции...

Временами в эту разговорную какофонию внезапно вторгался могучий трагический бас Александрова: «Исповеди нет у вас!..». Он уже изрядно перебрал и спал зажатый в уголке, уронив голову на грудь. Когда он просыпался, то и извергал из своей щуплой груди, как из иерихонской трубы, глас: «Исповедь!.. Не стихи, а исповедь писать надо, черти!..», после чего вновь засыпал.

Подал голос, единственный из всех молчавший все время застолья, поэт из Березово Годунович:

- Мужики, давайте Сашку на полку положим. Пусть там спокойно выпится...

- А ну-ка, посторонись! - Малахов встал во весь могучий рост, что народ, стоящий пред столиком полукольцом отшатнулся назад, после чего обхватив Александрова за шею и ноги, легко приподнял и бережно опустил на вторую полку. Александров, пребывая во сне, пробасил об исповедальной ноте и, свернувшись калачиком, затих, освободив место на полке еще для двоих таких же александровых.

– Вот ведь, вес бараний, глядеть не на что, а голосище как у доброго бугая... - подытожил Малахов завершённую миссию, после чего остывшие на время параллельные разговоры возобновились с прежней силою...

Вскоре по репродуктору объявили, что прибыли в Кисельбург.

- Ой, братцы, моя станция! Пора выходить! – торопливо заговорил Фурье и начал собираться: поправил шарфик, застегнул пуговицы неказистого пальтишко, со всеми за руку попрощался, достал со второй полки, что располагалась параллельно вагону, шапку и пластиковый пакет с рукописью. Нахлобучив шапку, поспешил к выходу. Через минуту он уже стучал в окно купе и, помахивая рукой, улыбался во весь рот...

-
Вскоре тронулся поезд и разговоры возобновились, но уже с переменной темы и собеседников. Беседы велись также параллельно: о ссоре Достоевского с Тургеневым, о рыбалке на донку, о кознях редактора книжного издательства Глековой, о картине Матисса, о квашеной капусте соседки по даче Иванькова Лидии Николаевны, о лечении гастрита соком редьки смешанной с медом и о том, как Малахов ночью чуть не через весь город тащил на себе в дупель пьяного Вознесенского на вокзал...

Никто не заметил как подошел писатель Маков. Он мирно спал в том купе, где его расположили и проснувшись, не увидел вокруг себя знакомых лиц. Маков страшно обеспокоился, посчитав, что о нем забыли и он проспал свою станцию. Так пребывая в тревожной озабоченности и растерянности, он и слышал застольные разговоры, что доносились из конца вагона. Он приподнялся и поплелся на голоса, пошатываясь на ходу и задевая то одним то другим плечом углы полок и ноги спящих пассажиров.

- Это здесь, что ли, сеют разумное, доброе, вечное? – зычным голосом известил Маков о своем прибытии.

- Ха! Маков явился! – весело воскликнул Вельмисов, - Ты где, Петя, был?.. Заблудился что ль в вагоне?..

- Спал я, ребяташки мои... А проснулся – одни рожи чужие, полусонные тарашатся на меня... Все, думаю, покинули меня, сошли на остановке, а меня забыли забрать... А тут слышу – вы голосите во весь вагон. Ну и подался на голоса родные!.. Вы уж не обделите меня, братцы!.. Стражду, шибко стражду!..

Маков наклонил голову и, словно бык на корриде, начал отталкивать головой стоящую перед ним толпу. Он таки пробрался к столику, оглядел его, но кроме рыбьих костей, пары надкусанных сырков, мятой полбуханки хлеба и двух пустых стаканчиков ничего более не присутствовало. Маков опустился на колени и, облокотившись о столик, жалобно взмолился: «Подайте страждущему!..». Водка была выпита, все понимали щекотливость ситуации и благоразумно помалкивали. Выждав паузу, Маков отобрал у Иванькова стаканчик (пустой) и, держа его левой рукой, начал пристально, по очереди вглядываться в лица присутствующих. Так он, медленно поворачивая голову, добрёл взглядом до лица Малахова:

- Валя, хоть ты утоли мои печали!..

- Да налейте ему! Чего сидите, как истуканы! - заругался Малахов.

- Все уже выпили, Валентин Васильич, - виновато ответствовал Гумиров,- Полчаса назад допили последнее...

- Иосиф, не темни! Знаю я, душа твоя татарская, что лукавишь!.. Ну-ка, пошарь под столом!..

Гумиров наклонился и начал шарить под столиком. Затем поочередно вытащил пять бутылок. Все были пусты.

- Вот, убедись сам. Все пустые... Три наших и две твои...- обиженно пробурчал Гумиров.

Малахов досадливо покряхтел, немного помолчал, а затем хитро прищутив глаз, осчастливил «страждущих»:

- Эх, что бы вы делали без меня! - после чего наклонился и нашарил на полу у ног свой объёмистый портфель. В портфеле кроме разных рукописей и шапки опять оказались пара бутылок водки и два газетных свертка. Под всеобщее ликование он вытащил их на свет божий, и торжественно водрузил на стол. В одном свертке оказались мандарины, в другом – кружок копченой колбасы.

Первому налили Макову. Полную. « Да не оскудеет чаша сия!» театрально воскликнул Маков и неторопливыми глотками опорожнил «чашу».

Закусил Маков головой копченого леща уже изрядно обглоданной. Он разломил голову и вынув жабры, принялся жевать их, приговаривая: « Самый вкус – в жабрах!», затем повернулся к Малахову и стал рассказывать, как прошлым летом ездил к брательнику в Колпашево и там за один день наловил на перемет мешок лещей, все как на подбор грамм на триста:

- Засолил прямо в ванне!.. Ну соли накидал, как положено, лаврового листа, укропу и чесночок покрошил... Завялил прям на балконе!.. Так ты не поверишь, Валентинушко, дружище ты мой, меня шахтеры весь год пивом бесплатно поили!... Да-а... Как идут после смены в пивбар, так под балконом и кричат: Кир-риллы-ыч!.. Бери леща – пиво свежее завезли!.. Само собой, пару лещей в карман и – в пивбар!.. Напоят пивком, а когда и водочкой не обнесут... Хорошие ребята!.. Вот веришь, Валя, ни разу не оставили!.. Да-а.. Все чин-чинарем: доведут домой до самых дверей, в звонок – дзинь!, а сами по домам!.. Добрый народ шахтеры! Широкая у них натура!.. Вот только работа у них опасная...- Маков скорбно помолчал, а затем со словами: да храни, Господи, души их в забоях, - рукой держащей рыбью голову осенил крестом смуглый лик Гумирова, вероятно усмотрев в смуглости внука шахтера из Манеихи самого шахтера, только что поднявшегося на гора. Смуглый лик на мгновение просиял внутренним светом, как в предчувствии небесной благодати, а затем наполнился привычным сумраком.

Извергся зычный бас Александрова: « Хватит о рыбе!.. Исповедью душу утешьте мою, окаянные!..».

- Да угомонись ты, Саванорола хренов!...- осерчал Малахов и ткнул кулачищем в низ лавки новоявленного кликуши.

Свесилась разлохмаченная голова Александрова.

- Ося, хоть ты, друг мой единственный, налей соточку...- жалобным голосом, в котором уже пропали басовые ноты, взмолился Саванорола к Гумирову,- А то эти оглоеды и не догадаются похмелить русского поэта...

Гумиров налил соточку и протянул Александрову, а затем начал очищать для него мандарин от кожуры.

- Ты что творишь, Ося!, - рассерженно вскричал Малахов, - Да в кожуре – каротин и вещества дубильные!.. Самое ценное, можно сказать. - С этими словами он отобрал у Гумирова недоочищенный мандарин и мгновенно съел вместе с оставшейся кожурой. Следом подверглась подобной участи кожура на столе.

Какое-то мгновение была тишина, которую оборвал Александров:

- Иосиф, а мы родину свою не проедем, а? Может уже проехали?.. Ты глянь в оконце-то: не видать ее там, а?..

- Саша, дальше Родины не уедем!.. Рано еще, спи давай...- успокоил Александрова Гумиров.

Успокоенный Александров отвернулся к стенке и еще плотнее свернулся калачиком, освободив место не только двум лежащим александровым, но и одному сидячему Фурье.

Тем временем Маков оставив в покое обглоданную голову копченого леща и, со словами: самая вкусная рыба это колбаса, ухватил кружок малаховской колбасы и разломив ее надвое, начал уплетать вместе с кожурой. Он несколько вызывающе поглядывал на компанию, словно демонстрировал, что и в колбасной кожуре присутствуют весьма ценные витамины полезные для здоровья.

- Ну ты и жрать, Петя! - укоризненно произнес Донов, - Ты хоть другим-то оставь на закусь...

- Пусть мандаринами закусывают... Там, как их... дебильные вещества. Им полезно умникам...

"Не скудеющая чаша» в очередной раз пошла по кругу. Решили в этот раз выпить за шахтеров.

За шахтеров Гумиров выпил стоя, торжественно, чем выразил не только пиетет к славному племени, но и свою родословную принадлежность, идущую от его деда, Равиля Абдурахмановича, шахтера из Манеихи.

Выпить за шахтеров отказался я, чем удивил всех и даже слегка обидел. Приближалось Беляево, пункт моего назначения, огни окраин которого уже замелькали вдаль. Я объяснил, что мне еще два часа предстоит торчать на вокзале, ожидая первого автобуса, а по вокзалу шастают менты. Того гляди заметут в вытрезвиловку...

- И то верно, Витек, менты нынче как никогда свирепые.- поддержал меня Лапшов. Он собрался было рассказать как с Малаховым не так давно «переночевали» в упомянутом заведении, но Малахов так свирепо глянул на него, что тот сразу же и забыл, о чем хотел поведать публике.

- Ладно, Витек, не переживай! Мы так и быть выпьем сейчас за твоё здоровье и за Музу твою в рабочей спецовке, - похлопывая меня по плечу, ободрил Вельмисов.

Я стал неторопливо собираться: поправил шарф, застегнул меховую куртку, убедился, что перчатки на месте, в карманах. После чего, подняв голову, стал искать шапку, которую положил на пустующую полку. Там лежали две шапки, но обе оказались не мои. Одна – лохматая, собачья принадлежала Забокину, вторая – кроличья, изрядно потрепанная, как в последствии выяснилось, – Фурье.

- Да он что гад мою шапку упер?..

- Ты не думай, что он специально, - спешно заговорил Годунович,- Он по жизни такой рассеянный... Видимо, перепутал второпях... Никуда, Витя, твоя шапка не денется. Приедет и привезет...

Пришлось одеть шапчонку Фурье. Она оказалось ко всему еще и малой. Я опустил у шапки «уши» и попытался натянуть на голову. Шапка угрожающе затрещала по швам. Попрощавшись со всеми за руку, я пошел в тамбур, где перед выходом хотел перекурить. Следом за мной вышли Донов и Самылов.

В тамбуре мы с Самыловым закурили. Глядя на нас, попросил сигарету Донов.

- Ты же не куришь, Сергей Лаврентьич. Зачем зря сигареты переводить? - спросил я Донова.

- Да я когда выпимши позволяю себе... Из солидарности...

Он неумело прикурил от сигареты Самылова, сделал две затяжки «не в себя», затем стал говорить о моих и Самылова художественных достоинствах поэзии. Выяснилось, что стихи мои идут от эмоционального начала, а самыловские излишне технологичны и в них нет жизненной основы - одна культурология и эстетство. Он тут же успокоил нас, сказав что это неплохо, важно чтобы мы заряжались друг от друга и это принесет свои плоды... Тут он умолк, видимо, хотел как-то по-умному объяснить «плоды взаимной зарядки», но ничего не приходило в его хмельную голову. Он еще минуту помолчал, а затем слегка наклонив голову и разводя руками, закончил начатую мысль протяжным: «И всё-ё...». После чего нам пришлось сделать вид, что мы с Самыловым всё поняли и изобразить на лице восхищение глубиной его анализа.

Поезд стал замедлять ход, заскрипели тормозные колодки, в окне двери медленно проехала вывеска вокзала «Беляево», вагон качнуло и мы встали. Вышла из служебного купе проводница с заспанным лицом, крючком приподняла рифленую крышку ступенек.

- Стоим пять минут! - сердито буркнула она, затем ключом открыла входную дверь.

За открытой дверью на перроне сквозь клубы морозного дыма обозначился человек в полушубке с огромным баулом в руках. У ног его стояли детские санки с привязанным к ним мешком.

- Это шестой вагон, дочка? - спросил человек проводницу.

- Шестой, шестой...- пробурчало служебное лицо вагона.

- Ой, сыночки, помогите взобраться старому, - взмолился человек и начал впихивать в дверь увесистый баул.

Помог старому Самылов, приняв баул, а затем санки с мешком.

- Куда вещи нести, дедушка?.. Какое место у вас?...- спросил Самылов, держа двумя руками баул. На его лице читалось готовность помочь человеку из народа и причастность к подлинной жизни, которой по мнению Донова у него не доставало.

- Да я здесь в тамбуре постою, сынок. Мне на следующей станции выходить... Вот семечки везу на базар, - кивнул старичок на мешок, а затем предложил купить по стакану «жареных на постном масле, посоленных и выращенных собственноручно в огороде без нитратов» семечек.

Изыявила желание купить проводница. Она разинула два глубоких боковых кармана форменного кителя и старичок отсыпал стаканом из небольшого мешочка, что прятался за пазухой тулупчика, три меры по двадцать копеек каждая. Проводница сунула продавцу рубль, старичок порывшись в кармане штанов, достал мелочь и отсчитал проводнице сдачу:

- Сорок копеек, дочка... Посчитай при мне...

Наскоро попрощавшись с друзьями, я сошел на перрон. Следом высунулась проводница и оглядевшись по сторонам, закрыла дверь. Придерживая на ходу шапчонку Фурье, я прошел к окну купе и постучал в стекло. В окне появились лица Вельмисова и Годуновича. Они весело засмеялись, тыча на меня пальцами. Следом появилось широкое бородатое лицо Забокина, которое так же расплылось в улыбке. Я понял, что они смеются над шапкой, самым нелепейшим образом торчащей на моей голове.

Прозвучал гудок и окно с смеющимися лицами поплыло. Покачиваясь и виляя на стрелках, поезд уносил вагон, где в купе, вероятно, опять велись параллельные беседы: о рыбалке, о прозе Набокова, о капусте и грибах и о том, как Донов ночью дворами катил по асфальту огромную тыкву похищенную им из Дома писателей.. Мне вдруг сделалось одиноко и неуютно, словно я выпал из вагона на обочину жизни, а яркая настоящая жизнь удалялась поездом, где на последнем вагоне за снежной пылью мерцал красный фонарь... И казалось, что душа моя, словно вытянутая ветром уносящегося поезда, понеслась вслед за ним, и грудь мою наполнил холод необъяснимой тоски и беспросветной обездоленности... Я докурил и бросив окурок, поплелся на вокзал.

Зал ожидания был пуст, не считая трех пассажиров дремавших на одной скамье. Я проследовал к дальней скамье, что стояла у батареи. Там прижавшись к теплым ребрам ее, попытался вздремнуть. Часы над дверями зала показывали час ночи Москвы. До моего первого автобуса оставалось один час и пятьдесят минут. Мимо меня проследовали два милиционера: один поигрывал в руках дубинкой, у второго через плечо висела рация. Они подозрительно оглядели меня, но прошли. Я надвинул на глаза шапку и задремал. Впереди меня еще ожидал Судный час в виде неприятного разговора с женой по поводу моей новой ондатровой шапки купленной буквально накануне семинара...

-

Старобачаты, январь 2008 г.